

Елена
Лапшина

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ

Москва
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л24

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление серии Валерий Земских

Д24 Елена Лапшина

Всякое дыхание. — М.: «Русский Гулливер»/Центр современной литературы, 2010. — 60 с.

Книга стихов Елены Лапшиной во многом расположена на незримой территории Книги Книг, Библии, которую автор отказывается считать утраченной Атлантидой. И несмотря на то, что трагически разорванным мир стоит, потеряв и себя, и путь к себе, на самом краю пропасти вместе с человеческими болью и радостью, печальной и прекрасной природой, он все еще не обречен. До тех пор, пока «всякое дыхание» является не просто способом выжить, но связью с сердцем мира.

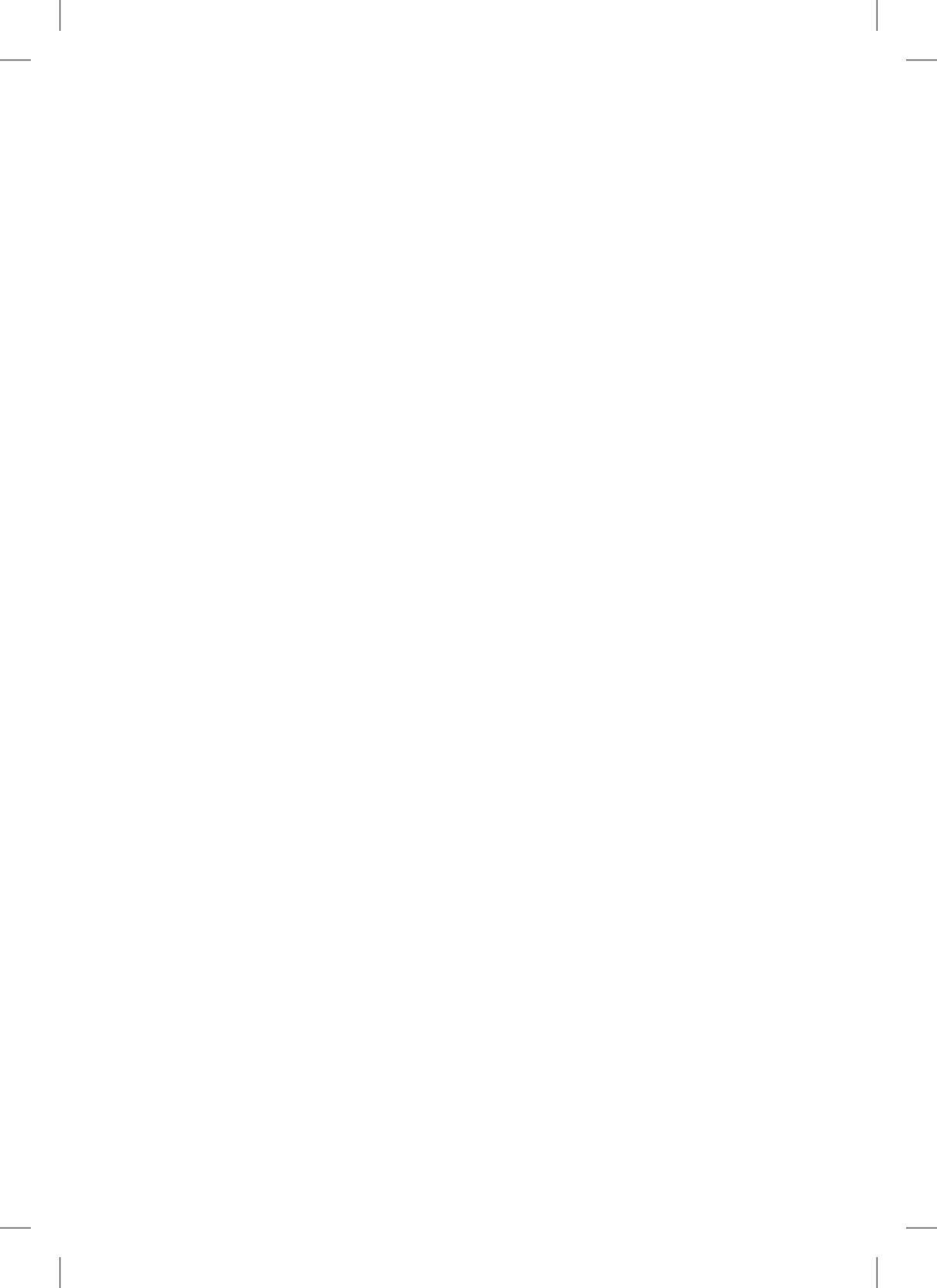
ISBN 978-5-91627-049-5

© Е. Лапшина, текст, 2010
© Русский Гулливер, 2010
© Центр современной литературы, 2010

Елена Лапина родилась в 1970 году в подмосковном Фрязине.

Окончила экономический факультет Московского лесотехнического института. В 2003 году вступила в Союз писателей Москвы.

Публиковалась в московских литературных журналах: «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», «Кольцо А», «Литературная учёба», «Дети Ра»; и в зарубежных русскоязычных: «Интерпоэзия» (США), «Иерусалимский журнал» (Израиль), «Радуга» (Украина), «Крециатик» (Германия). Автор двух поэтических книг — «Вымани Ангела» (совместно с поэтессой Ольгой Ивановой) и «В невесомой воде». Обе книги вышли в издательстве «Летний сад» (Москва, С.-Пб.).

«Чуть ли не поговоркой стали строки Ахматовой: «Когда б вы знали из какого сора растут стихи...», — кто станет спорить? Но, открыв для себя стихи Елены Лапишиной, я удивился. Какой еще «сор»? Ее стихи растут из музыки, вернее — из музыкальных сфер. Библейский мир, в первую очередь — ветхозаветный, с его небесной и земной твердью, с раем и адом — несомненная реальность, в которой живет поэзия Елены Лапишиной. Словно ненароком вернулся к нам звук серебряного века русской поэзии (одна из её ипостасей — духовная). Поэт живёт, как все, реальной жизнью, но то, что любит, во что верит — для него высшая реальность.

Еще до Форума в сборнике Елены Лапишиной «В невесомой воде» я «споткнулся» об стихотворение «Я не помню — зачем-то просили плясать Саломею». Оно, я уверен, прямо просится в антологию. Если стихи Грибоедова легко разобрать на цитаты, то попробуйте вырывать строки Лапишиной из контекста! Это как раз тот случай, когда целое не имеет частей... Поэтический дар Лапишиной несомненен — ее стихи серьезны, ее мир многомерный, не каждому дано так органично совместить в себе живую жизнь с жизнью родной речи и вековой культуры человечества. Простота и сложность, вызов и смирение, откровенность и тайна. В современном хаотическом развитии русской поэзии Елена Лапишина счастливо незатронута никакой тусовочной модой, никакими внешними требованиями. Она себя не ищет, она уже нашла...»

Кирилл Ковальджи

Сборник Форума молодых писателей России
«Новые писатели» (2007)

«Лирика Лапишиной тихая, богобоязненная. Возвышенная, но не скатывающаяся до банальности. Поэт чаще шептывает слова, чем говорит в полный голос. Таковой и должна быть духовная поэзия — тихая до робости, почти пугливая, обращенная с вопросами не столько к Небу, сколько внутрь себя, и, не приведи Бог, лишенная горделивого пафоса, торжественной фанфарности.»

Евгений В. Харитонов
«Дети Ра» (2006)

«Она «тихий» автор, если понимать под этим не отсутствие темперамента, а сдержанность и прозрачность слога. (...) Стихи Лапишиной, хотя и неровные, отличаются удивительным для современной поэзии целомудрием, смирением и внутренней силой. Причем во всем этом не поза — чувствуется реальное жизненное делание, живая «душа».

Дмитрий Полишук
«Новый мир» (№8/2005)

8

«Диапазон поэзии Лапишиной — от любовной до духовной лирики. Здесь нет формалистических изысков, фонтанирующих метафор — здесь есть предельная женская искренность, следующая лучшим традициям Серебряного века. (...) Книга Елены Лапишиной — это дневник, покаяние и молитва одновременно. Читать её можно, только если вы готовы сопереживать автору — искренне и от души. Тогда именно с вами автор будет откровенен.»

Андрей Коровин
«Современная поэзия» (№ 1/ 2007)

«Елена Лапишина — поэтесса хорошая, и её главный плюс — в чувственности. (...) Ей удаются религиозные стихи. Они тоже чувственны (как ни странно звучит это определение в отношении к поэзии ортодоксально-христианской, да еще и православной).»

Кирилл Анкудинов
«Три рецензии» (2008)

«Принцип Лапишиной: обозначить детали, назвать то, что вокруг, описать обстановку и спектр — по описанию мы догадаемся: это — любовь. (...) Поиск осмысленности переходит в новую фазу, духовные искания определены восстановленной иерархией мира: искомый адресат лирики — Бог. Адресат земной выступает в качестве проводника, резонатора смыслов и слов, обращенных к небесному; вехи восхождения из мира дольного в горние сферы совпадают с вехами, узловыми точками развития любовной интриги. (...) Лапишина фиксирует здесь момент, точку, когда на подступах гибель всерьёз. Ощущение конечности мира заостряется всё сильнее, любовь уже не спасает. Человек остается один на один с разломом в собственной душе...»

Елена Погорелая
«Новый мир» (№ 11/2007)

«Поэзия Лапишиной, конкретная, плотная, реалистическая, соотносящаяся возможно с техникой Нонны Слепаковой или Кудимовой, отличается от них мощной энергией неманифестируемой веры. Христианская культура и традиция освещает слишком конкретный ландшафт ее поэзии согревающим светом переставляющего акцентные чудеса, в котором, на самом деле, оказывается плотность мира.

Писать на «христианскую тему» занятие довольно-таки рискованное, потому что для него мало только веры и мастерства, нужна еще необычность взгляда, какое-то нарушение перспектив и спонтанность изложения. У Лапишиной эта спонтанность присутствует — в широком дыхании, в захваченности природой, в распеве. А что касается нарушения геометрии — вместо него заявлены сила, прямота и та самая чистота, которую в Китае еще называли «чэнь» — искренностью, наполняющей деревья, реки, горы, и, если повезет, самого поэта. Вне ее поэзия — духовная, а какая еще? — не совершается. Поэзия Лапишиной — совершается и в этом, и в чисто изобразительном смысле. Она полна энергии и чувства дистанции, без которой сама энергия делается бесформенной.

Я рад был читать стихотворения и дышать их свежей и сильной атмосферой, на вкус — предгрозовой.»

Андрей Тавров
(2009)

* * *

Через целую жизнь — отгордившись грехами отцов
и наделав своих, — наконец принимаю сиротство.
Чёрно-белые карточки милых моих мертвецов
в неопрятном альбоме теряют портретное сходство.

Я вас помню не так... Я за вами иду по пятам.
Вы такие, как есть, — это мой коленкор изменился.
Призакроешь глаза — и как будто проснулся не там.
И как будто не жил, а кому-то навязчиво снился.

В подмосковье весна — захолустному снегу каюк,
мать-и-мачеха прёт, и на Пасху такая отрада!..
Улетевшие птицы, ну как там обещанный юг?
А у нас тут земля проседает, корёжа ограды.

За любой недогляд плотяное пуская на слом,
землеройствует жизнь... Но порою привидится снизу,
будто небо меня задевает своим подолом —
я тихонько лечу, ухватившись за синюю ризу.

* * *

Поскрипи, поворочайся, ляг на живот.
Чуть сморило и вот:
чу! — мышиный обход,
комариное соло над ухом плывёт,
кто-то певчий из сада зовёт.

И скрипичным концертом тревожат сверчки.
Со смычками в ладу
покачнутся в саду
георгинов испанские воротнички
и стреляют люпинов стручки.

Отдохни от забот, позабуди урожай.
И на лунном полу —
полуночном балу —
стань на цыпочки, девочка, воображай —
закружи, завораживай — не возражай! —
продолжай, продолжай, продолжай...

* * *

Не спится в доме полуночном за ветхой стеной,
где ходики ходят и мучит их звук жестяной.
В саду не шелохнется ветка, не хрустнет сучок.
Глаза призакроешь и тут: то заскрычит сверчок,
то в старом буфете впотьмах, нагуляв аппетит,
упорная шушера-мышь вермишелью хрустит,
то стукнется тихо о землю неспелый ранет.
И маятник чиркает воздух, а времени — нет.
А есть полотно на стене и сюжетец на нём:
дырявый котёл в очаге с неподвижным огнём.
Вглядишься, а там на холсте — ничего уже нет.
И только в прореху сквозит немерцающий свет.

* * *

Что Герда — седому Каю —
остуды его года —
прощаю и выкликаю
глядящих из-подо льда.

Какое тут сердце сыто
свободой своей чумной?
Во льду нелюбви Коцита
теплее ли, чем со мной?..

* * *

На даче — лепота: пионы и люпин
толкуются у стола, заглядывая в чашки.
Теплынь, а ты с утра ворчишь, и ты — любим
до каждой клеточки на клетчатой рубашке.

Смородиновый чай, кузнечики у ног,
сомлел соседский кот на плиточной дорожке.
Ты отгоняешь прочь цветочный табунок,
встаёшь из-за стола, отряхивая крошки.

И всё ещё — оса над чашкой голубой;
и всё уже — как есть, и не в чем сомневаться.
И фотку бы в альбом: «Вот это — мы с тобой»...
Но это — я и ты — в свои невосемнадцать.

И надобно опять — в прозябшее жильё —
отважиться на жизнь с повадкой постояльца —
в болезни и нужду, в безлюбие твоё, —
чтоб не пускать корней и смерти не бояться.

* * *

Когда от сквозняка пойдёт скрипеть
хоромина, казавшаяся храмом,
где ты оставлен с разным прочим хламом,
то остаётся — доживать и петь.

И я пою — о том родном втором —
в моей сквозной качающейся клетке,
я всё ещё пою о вечном лете
лиловым горлом, сорванным нутром...

* * *

От земли поднимутся холода,
незаметно с ночи повалит снег.
Ты увидишь небо из-подо льда,
ты проснёшься рыбою, человек.

Неусыпным оком гляди во тьму,
серебристым телом — плыви, плыви..
И не думай: — *Это зачем Ему?* —
всё, что Он ни делает — от любви.

Не ропщи, что речь твоя отнята,
не по небу ходишь, не по земли.
Если рыбе дадена — немота, —
то самим дыханьем Его хвали.

* * *

Ещё никто не понял, что случилось,
и жизнь ещё похожа на бессмертье,
и Бог не обрезает пуповины,
и Ева всё рождает дочерей,

и дольний мир, как детская, ухожен,
ещё свежо, и долго до Голгофы,
на дудочке играет юный Каин,
Адам ещё наивен, как дитя...

И мир ещё не знает Александра,
но где-то в глубине земного ада
ему уже придумано название,
и ад уже зовёт его Великим.

* * *

Проступает иное и время идёт стороной,
но лобой — ненароком — его фотоснимком клеймён:
эти девочки-девушки-женщины, бывшие мной,
отбывают былое, уже не имея имён.

Не во времени дело, не в подлой повадке его —
потихоньку начаться, а после — втопить во всю пруть.
И не праздная память приврёт, разрывая родство
с незабвенными теми, кого бы и рада забыть.

Что одежда, что прошлая жизнь: поносил и — тесна.
Так змея выползает из кожи, из прожитых дней:
омертвевшая длинная кожа — уже не она,
монохромная хрупкая лента — уже не о ней.

* * *

...И мы уснём, лишённые тепла,
и поплывём по млечному распутью.
И в наши тонкостенные тела —
стеклянные, наполненные ртутью, —
войдёт неодолимый тонкий холод
там, на последней — в никуда — границе,
где тьма густа, как чёрный мармелад
у Марианской впадины в глазнице...

* * *

Щебет в потёмках памяти — птичий прах.
Шепчет, лепечет, плачет сплошная ночь.
Шаришь в её пещерах, её шатрах,
всякую вещь на свету превращая в дождь.

Манишь её, обманываешь, зовёшь,
то ковырнёшь, как денежку из коржа.
Тащишь за крашек ветошь — и всё же рвёшь.
Тронешь — железо, вытянешь — та же ржа.

И покидаешь, глядя через плечо,
прошлого опустевшее шапито.
Шепчется, плещется: — *...всё ещё, всё ещё...* —
там, где уже никто, никогда, ничто...

* * *

В груди застучало так мелко,
как будто встряхнули ключи.
Утихни, дурацкая белка,
и лапами реже сучи.

Тупица, облезлая цаца,
уймись, ты такая, как все.
Крайняк, уже поздно метаться
в калёном своём колесе.

ЧИТАЯ «ГОРОД ЛЕНИНГРАД»

Анатолию Найману

После детских побед полагаются — труд и усталость,
долгий старческий стыд, перечёт синяков и камней.
У одних — никого, у других — никого не осталось, —
только жалость и жизнь или воспоминанья о ней.

— Подожди, не беги! В этой памяти — только по следу,
как на топкой тропе, — если только настелена гать...
Это — выморок лет, незаметно впадающих в Лету.
Претерпеть и простить, и былого бы — не обогать.

Погляди, как дитя, и опять изъясняйся по-птичьи,
но ходи-собирай побережную гальку в подол.
Скуповатый Харон, не найдя медяка в подъязычье,
покачав головой, липковатый возьмёт валидол.

НЕМО

В поющей воде, зависая внизу,
застывшей соринкою в круглом глазу

ржавеющей рыбы плывёт не домой
мой сумрачный Немо, извечно немой.

И ластятся рыбы к стеклянным кругам,
к его золотым законным рукам

сплетённым... И, тонкую ткань теребя,
он будто бы сам обнимает себя.

А ветхая вечность почти истекла...
Он смотрит, как рыбы, касаясь стекла,

зевают, а может, зовут: — *Догони!*..
Но кажется Немо, что немые они.

* * *

В претории нутра в режиме пряток
живу и препарирую порядок,
и разеваю рыбий свой роток.
И хорохорюсь, уродясь нехраброй,
и шевелю велюровою жаброй, —
прогибчива, как ивовый пруток.

А выдернут — и вот, гляди, какою! —
беспомощной, с разорванной щекою —
плотвицею на залести блесны,
на леске этой малости словесной —
лечу над безалаберною бездной,
парю над неопрятностью весны.

* * *

В чужие края без оглядки
по сказочным дебрям тайги
во все королевские пятки
беги, Белоснежка, беги!

Стара и обычна причина —
хоть лучше бы наоборот:
берёт королеву кручина,
хвороба её — не берёт.

То сохнет от злобы бесплодной,
то пухнет, интриги плетя.
С такою змеей подколодной
тебе ли тягаться, дитя.

И плод будет снова надкушен,
Господь приберёт Красоту.
Приснятся ей сладкие груши
и яблоки в райском саду.

* * *

Кукареки-кукареки-курике,
в небе голуби, пескаррики в реке.

Едут сани,
едут сами,
едут задом-наперёд.
Никто замуж не берёт.

Кукарекать-кукарекать-куковать.
У соседушки скрипучая кровать.

А синица —
ей не спится,
ей не спится, хоть убей —
сразу снится воробей.

Как пошла синица в гости к воробью..
А у Боженьки журавлики в раю.

В небе птицы —
голубицы,
а пескаррики — в реке.
Всё у Боженьки в руке.

* * *

Жила, как ждала, не знала:
чудная, чумная что ль:
то хлеб со стола роняла,
а то — просыпала соль.

И стыл пересол к застолью,
и подень стоял черно...
Я ветер кормила солью,
я сеяла, — как зерно.

Не теми мело вестями,
не манной с небес секло...
Я ела её горстями,
зернистую, как стекло.

Я весть о тебе такую
ждала, — как Благою Весть.
Я так по тебе тоскую,
как будто ты вправду есть.

И жаждой своей недужной
я мучаюсь, как виной.
Как столп становлюсь — бездушной,
бессмысленной, соляной.

* * *

С. К.

Я знаю эту хворь на грани невозврата,
когда с бельмастых глаз спадает пелена,
хотя ещё земли — не пять локтей на брата,
и воды — через край, и воздуха сполна.

И глохнет тишина от голосов утиных,
и пахнет первачом опавший прелый лист,
холодная роса висит на паутинах,
и яблочный послед скуласт и мускулист.

Тончает и сквозит всё зримое воочью,
но хочется ещё отодвигать итог,
и рано засыпать, и просыпаться ночью,
и слушать между стен мышиный топоток.

До ветхости носить простые плоть и платье,
и Бога не гневить, и бровь не гнуть дугой.
Надломленный ломоть, ездок на самокате —
я всё ещё пылю, топчусь одной ногой.

* * *

Пройдёт, пройдёт... И дни, как воду, пьём.
Но эта жизнь цепляется репъём
за самый саван, как во время оно.
И перстенёк, усилью вопреки,
с горбатой не снимается руки,
будь это даже перстень Соломона.

А смерть, она — по праву немоты —
со всеми одинаково на «ты».
А жизнь полна значек и засечек.
Собака лает, караван идёт,
и дерево миндальное цветёт,
и каперс прёт, и барствует кузнечик.

* * *

О. И.

Как речная рыба по стуже мрёт —
по любую сторону правоты
изгибайся, бейся об этот лёд,
умоляя: воздуха и воды...

Золотою сукровицей кропи
эти льды и воды угрюм-реки,
проходи насквозь, выживай, терпи,
раздирая жабры и плавники.

Чтобы после — в долгий июльский зной —
в наступившей неге и немоте
прикоснуться выстругленной спиной
ко ступне Идущего по воде.

* * *

Оставишь ненадёжный дом,
в лесу слоняясь спозаранку,
убогим нищенским трудом
добудешь «на отпúст» зарядку-
синичку-пеночку-клевста
и — осторожная до дрожи, —
пугаясь каждого куста,
ты на ловца нарвёшься тоже:
предтеча птичьих похорон —
помещик, спятивший от лени, —
стрелок-миляга-враль-барон,
гоняя в ельнике оленя,
глядит, застав тебя врасплох,
как, переняв повадку птичьёю,
ты стриганёшь в чертополох
и станешь добычею — дичью
и, пережившая пальбу,
очнёшься, как в дурном романе:
с вишнёвой косточкой во лбу
и мёртвой ласточкой в кармане...

* * *

Ответшает, истлеет, истаёт в неявном ином,
как во времени оном, где заживо не задержаться.
Ничего не останется в завтрашнем, зримом, земном —
ни рукой прикоснуться, ни боком в постели прижаться.

Растворяется твердь, утекая в воронку времён, —
перемелет и нас, перетрёт — горделивых и дерзких,
не оставив от нас ничего — ни стихов, ни имён:
этих блудных стихов, этих древних имён иудейских.

Душный воздух надышан другими, и кто их сочтёт, —
осыпаются фрески, стираются в памяти лица.
Ничего не останется здесь: это всё отцветёт...
Это каждой минутой в вечности запечатлится.

* * *

Как Ева, — рвала и ела,
а после — жила, блажа.
Терпела и песни пела, —
да не было терпежа.

Отважилась, убежала.
Легла — во стогу игла.
И жалость не удержала,
и благость не сберегла.

Эх, яблочко, да куды котишься...

До срока не будет прока,
ахватишься — и стара.
Подруга моя морока,
проруха моя сестра.

Айда хороводить снова,
пока не приметил тать.
Да штрифеля наливного
по блюдечку покатать.

Эх, яблочко, да на тарелочке...

Какого ещё мне дива,
какого ещё рожна?
Строптивя и нерадива,
не девица, не жена.

Эх, яблочко наливное.
Да котится мимо рта...
Отравленная виною,
изменщица, сирота.

* * *

Тупая усталость, предсмертная дрожь, —
как будто по снежному полю идёшь.
Как старая Герда — любовь во плоти —
застыла, забылась и сбилась с пути.
И меркнет рассудок, и сумрак — вокруг,
и дремлет под снегом ненайденный друг.
Забвеньё, затишье, и дело — к утру,
сухие былинки звенят на ветру.
И слышно, как в норах — во мраке парном —
полёвки хрустят припасённым зерном.
И манит подземный мышинный уют.
Но белые волки призывно поют...
И кто-то по следу — из далей иных —
уже подъезжает в санях ледяных.

* * *

Выну красоту,
выйду — погоржусь:
и на то — сойду,
и на сё — сгожусь.

Не таюсь-боюсь,
погляжу окрест.
Ан не выдаст гусь,
и свинья — не съест.

Покажу врагу —
эвон как могу!
А они — дурни —
попадут в рагу.

Вот и выйду я,
да во всей красе!
И во всей красе —
всё равно, как все.

* * *

Проверенный фокус: «А может ли быть, —
как только его начинаешь любить,
вот тут-то и вся недолга́.
Он сядет в постели, нашарит носки,
забудет значение слова «близки»
и двинет в бега — на луга.

А ты остаёшься не то и не сё:
посмотришь Кокто, считаешь Басё
и всё... И не мил белый свет.
И маешься — дурья седая башка, —
как будто до смерти четыре шажка.
В ответ — физкультурный привет!

И шлешь его лесом, и шлешь ему вслед...
Хранишь его тапки в шкафу, как скелет.
(Ан, — можешь! — любить «подлеца».)
А что остаётся? Вот так и живёшь:
и сраму не имешь, и воду не пьёшь
с его ледяного лица...»

* * *

Тихонько выживаю из ума,
себя — по малодушию — жалею.
О Господи, как тяжела зима,
и с каждою зимой — всё тяжелее.

Ворочаешься, маешься во тьме
бессонною предутреннею ранью —
в китовом чреве — плотяной тюрьме —
в холодном доме, пахнущем геранью,

претерпевая этот сносный ад,
где не жила — ждала, золою тлела,
и всё хотела выйти в белый сад
из тесноты, из ветхости, из тела...

Но пьёшь в ознобе молоко и мёд,
и шарிшь свет в живучести упорной.
А тело навсегда своё возьмёт:
гуляй, корми, высиживай в уборной...

И вытащишь ладонь из-под щеки,
прошаркаешь в потёмках тапком рваным...
Но сладко пахнут сонные щенки
на старой телогрейке за диваном.

Не по трудам — по милости легко.
Ассанна, белокрылые, ассанна...
А в послевкусьи — мёд и молоко.
И слово в подъязычьи — несказанно...

* * *

Я видела — в лугах его, далече, —
как, обгорев, но ран не замечая,
он бродит, пряча розовые плечи
среди густых метёлок иван-чая.

И я слышала — смертная, мирская, —
как на чужом наречьи незнакомом
он пел, тяжёлых век не размыкая,
кому не знаю: птицам, насекомым...

И мне казалось, будто в этом теле
ему легко среди травы и зноя...
И облака всё посолонь летели
кибиточками в Царство неземное,

уже звала не Волга, но — Валгалла,
и отцветало пёстрое, простое...
И я жила, пока ещё мелькала
его спина в зелёном травостое.

* * *

Ещё не пепел — пух летает в кушах,
пока раздвинув облачный альков,
Невидимый глядит на мотыльков
и меж цветущих вересков снующих
голубоглазых лис и королек.

Благословенна твердь стоит земная.
И в чаше, пробудившись ото сна,
идёт Адам — дающий имена, —
и ничего о будущем не зная.
И спит вода во облацех, темна.

Ещё не знают ветхости живые.
Но незаметно тля сосёт лозу
и тлеют листья в мыслящем лесу.
И скоро незатейливо — впервые —
солжёт лиса на голубом глазу.

* * *

Перетерпит, смолчит, обернётся и тем же воздаст...
Что бездумная вольница здесь, что тупая неволя,
где тяжёлые лоси ломают предутренний наст,
разоря гнилую скирду на окраине поля.

Помрачение мира, знамение — знамо, зима.
Как предвечная весть — мерзлота ледяного поморья.
Осмелевшие волки заходят в пустые дома,
оскверняя жильё, как ворьё, разоря подворья.

Умолкают языки, дороги ведут в никуда...
Не сумеv стовориться, смолчатся варяги и греки.
В польньe недвижима полынная злая звезда,
и стоят подо льдами горчайшие чёрные реки.

Край звериных следов, где никто никого не спасёт,
никому не привидится, в память безвестному веку,
будто кто золочёную чашу по небу несёт
и незримый другой невесомо ступает по снегу...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Когда глаза слипаются
и хочется в кровать,
все ангелы слетаются
меня поцеловать.

Целуют в губы томные,
и в волосы, и в нос,
чтоб в эти ночи тёмные
мне хорошо спалось.

Но в поздний час таинственный
я замираю, чтоб
слетел *один единственный*,
что поцелует в лоб.

* * *

Сон ли его нарушу,
или душа слепа:
из-подо льда наружу —
кисть, голова, стопа...

Глянешь во все концы-то —
ширь, да — не благодать:
нету конца Коцита,
берега не видать.

И не тропы подталой,
и не черёд словам.
Кай — окаянный малый,
шедший по головам.

Где та сестра, награда
(отроду наречён),
выведшая из ада,
так и не став ни чем.

И, не сложивший слова, —
сколько ни выкликай, —
из-подо льда бывшего
блудный вернётся Кай.

Весел и нераскаян,
голоден и удал:
— Здравствуй, отец мой Каин,
Авеля не видал?..

* * *

Летящий на полночь салима мольбам вопреки, —
меня не минуешь и встанешь у ношной реки.

Крылами плещи, выкликай и плещом поводи,
но камень тяжёлый лежит у меня на груди.

Оставь побережье, где раны смертельно свежи.
Войди в эти воды и сонные веки смежи.

И слушай, как манна обильная воду сечёт
и Лета над нами, как чёрное млеко, течёт.

И сладко мне будет во дрёме обнять пришлеца
и воду летеysкую пить с ледяного лица.

* * *

Отпустишь калитку, горний покинешь сад,
и мнится: не то казарма, не то барак...
И бродишь, торя насквозь коммунальный ад,
тараща глаза в густой коридорный мрак,

касясь рукой замшелых чужих пальто,
плечом задевая лыжи, тазы, тряпье.
Как будто — один из многих, но как никто —
упорствуешь в Лете — в мутной воде её.

И вроде нашаришь двери (а вдруг не те?)
и медлишь полжизни: минуту или войти?
Но это твоё стояние в темноте —
торопит моё старение взаперти.

И ветхую дверь шатаем туда-сюда,
и пробуем крепь щеколды сторожевой.
А хочется задышаться — не от стыда.
И нужен — *один единственный*, но — живой.

* * *

1

...Я сторожу... Я отхожу ко сну —
плотвица, заглатившая блесну,
царь-рыбица бесценного улова.
Уже не сожалея ни о ком,
неведомым ведома рыбаком
на волоске, на тонкой леске слова.

2

Ни ходко — ни валко,
не лодка — не барка:
плавучее диво — речной рыба-кит
гиряндами светит, трубою дымит.

Не шибко грузён, не совсем налегке
плывёт пароход по великой реке.
И слушают жители душных кают,
как ночью над Волгой русалки поют.

— Утопишься, дура, — не стой над водой, —
пеняет купчина жене молодой.
И тянет елейно от сытой ленцы:
— Погибшие души — у-топ-лен-ни-цы...

Усыпано небо чешуйками звёзд,
качается в волнах русалочий хвост.
Хоть в чёрную воду, хоть в небо гляди,
русалочий голос таится в груди.

* * *

Вольнолюбивый, боли моей внемли...
Но каменисто тело моей земли:
как ни жалела — не приняла нигде.
Так на Итаке прах предают воде:
тлеющим телом, лодкою слюдяной
он уплывает, благословлённый мной,
в меркнувшей славе — силе его былой,
с горлом, пробитым бдительною стрелой.
То ли ласкает, то ли блажит вода —
лижет солёный мёд его живота,
блик на лице, запястья его излом...
Всё помавая, как золотым веслом,
смуглой ладонью правит в предел иной
летом печали изгнанный Антиной.

* * *

Мерцает впереди багровый алый ад, —
и мука, и тоска в его крошечных стонах.
А кажется, еще отпустят и простят,
на небеса возьмут, поставят меж достойных —

меж князей и владык... И слышатся едва
в сумятице словес евангельские зовы.
Сморгнишь, и ничего: что смоква, что Москва...
И блеклы небеса, что были бирюзовы.

А в зеркале — урод: гугнив, подслеповат,
и амальгама прёт с шипением наружу...

Кого ещё люблю, и в чём не виноват?
Кого ещё предаю, и что ещё нарушу?..

* * *

Воздух дрожащий, тени наискосок,
подень морочит, хрустит на зубах песок...
Марью окутан и облачён в тоску, —
как по огню, ступающий по песку...
А у меня в голове всё кружится стрекоза,
и солнце слепит глаза.
А он-то — видом неявен в моём краю,
но я его по голосу узнаю.
И говорит повелитель стрекоз и мух,
сухими губами меня обращая в слух:
— Ну, что ты заладила: «милости» да «прости»? —
тебя уже не спасти.
И вижу за маревом — рот его крепко сжат,
но слышно, как тихо звенит песок и губы его шуршат.
И я говорю ему... говорю ему...
А что — и сама никак не пойму.
Но сколько гостя не вопрошай и рук к нему не тяни, —
холодно в чёрных его очах и жарко в его тени.
А он — то лукав, то ласков — неизъясним...
И вдруг понимаю, что я говорю не с ним.
А он научает меня словеса плести.
А я повторяю: — Милости, милости...

* * *

Стареть, и в зеркало смотреть,
и удивляться, что — живая.
Но с головой — седой на треть —
себя в себе не узнавая.

И больше делаться на мать
похожей взглядом и движеньем.
И не желая принимать
себя за этим отраженьем.

Глядеть из темноты в проём,
претерпеваясь понемножку.
И в этом теле — не своём —
жить, как в избе на курьих ножках.

* * *

Д.

Там, где сиротство ставит на всё кресты,
ты задержался взглядом совсем некстати,
не восковой, не северной красоты —
темноволосый мальчик эльфийской стати.

Каждого мотылька прибирая в горсть,
именовав иных — плотяных и зримых, —
Авессалома тонкая злая кость,
древняя кровь, остывшая в наших зимах.

Эта земля баюкает — чай, земля..
Здесь не аukai, не промеряй верстами
вечное бегство через мои поля,
под горизонт уставленные крестами.

* * *

Паромов и мостов Харонов нрав,
дорог и рек неверная порука:
на переправах коротко совпав,
расстанутся, перечеркнув друг друга.

Иной удел — неочевидный круг:
бок о бок, неразлучные на зависть.
На расстояньи вытянутых рук —
не расставаясь, не соприкасаясь...

И сколько в этой жизни ни юли
с её геометрической морокой,
но только оторвавшись от земли,
две колеи сойдутся над дорогой.

* * *

...И всё несло и билось, как пурга,
взметая простыни и одеяло, —
обволокло, объятия объяло,
и улеглось, и стихнуло пока.

...И длился сон, и в эти полчаса:
то скрип софы, продавленной до кочек,
то телефон — латунный колокольчик,
то в гулкой чашке — пьяная оса.

...И снился снег — уныла и бела,
земля лежала — и ломило тело.
А там — во сне чужом — весна гудела,
вода звенела и айва цвела...

* * *

Под окном — снежок,
под снежком — ледок.
А под ним храним
золотой следок.

То ль прости-пусти,
то ль — хватай коньки.
По всему пути
стынут огоньки.

Ночь идёт — не зги —
с тоски тронешься.
А во след беги —
не утонишься.

* * *

...И было объятие девятого вала,
и ртами пираний вода целовала,

и бились в борта, выходя из воды,
харибды и сциллы — ладони беды.

Щепой корабли разлетались, дощаты.
Просили не силы, просили — пощады.

Но тайного слова губительный гнёт:
земля не примет, вода — не вернёт.

И ныне над нами смыкаются своды —
тяжёлые льды — онемевшие воды.

Ни звука, ни вдоха, и виден сквозь лёд
мерцающих рыбиц застывший полёт.

* * *

Угомонив горячное вчера,
уже пришло терпение и зренье:
ненужности и нежности пора —
прелюдия к мистерии старенья.

Смотреть в окно, тряпицу вышивать.
И никому — не клетка, не доука.
Остатнее неспешно доживать
без робости, без ропота, без звука...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Где зимний ветер навевает сны
о реках неземной голубизны, —
земля застыла, не истратив глины.
Но ангелы в привременном аду
летят и отражаются во льду.
А тот — оставший — смотрит на долины,

застыв на миг в небесном витраже.
И наши отражения уже
одно в другом сквозят неотделимо:
он — с трещинкой кровавой на губе,
играет солнце на его трубе
за долгий миг до гибели салима;

а это — я на новеньких коньках
как будто пролетаю в облаках,
а подо мной — долиною молчащей,
минуя горы, равно — города,
в безмолвии неведомо куда —
бредут волхвы заснеженной чащей...

Неудовимый отблеск золотой
качается над вечной мерзлотой.
А я скольжу по чёрной глади пруда, —
живущая в надежде и нужде
с молением о хлебе и дожде, —
и жду чудес, и не вмещаю — Чуда...

СОДЕРЖАНИЕ

«Через целую жизнь — отгордившись грехами отцов...»	11
«Поскрипи, поворочайся, ляг на живот...»	12
«Не спится в доме полуночном за ветхой стеной...»	13
«Что Герда — седому Каю...»	14
«На даче — лепота: пионы и люпин...»	15
«Когда от сквозняка пойдёт скрипеть...»	16
«От земли поднимутся холода...»	17
«Ещё никто не понял, что случилось...»	18
«Проступает иное и время идёт стороной...»	19
«...И мы уснём, лишённые тепла...»	20
«Щебет в потёмках памяти — птичий прах...»	21
«В груди застучало так мелко...»	22
ЧИТАЯ «ГОРОД ЛЕНИНГРАД»	23
НЕМО	24
«В претории нутра в режиме прятков...»	25
«В чужие края без оглядки...»	26
«Кукареки-кукареки-курике...»	27
«Жила, как ждала, не знала...»	28
«Я знаю эту хворь на грани невозврата...»	29
«Пройдёт, пройдёт.. И дни, как воду, пьём...»	30
«Как речная рыба по стуже мрёт...»	31
«Оставишь ненадёжный дом...»	32
«Ответшает, истлеет, истает в невяном ином...»	33
«Как Ева, — рвала и ела...»	34
«Тупая усталость, предсмертная дрожь...»	35
«Выну красоту...»	36
«Проверенный фокус: «А может ли быть...»	37
«Тихонько выживаю из ума...»	38
«Я видела — в лугах его, далече...»	39
«Ещё не пепел — пух летает в куцах...»	40
«Перетерпит, смолчит, обернётся и тем же воздаст...»	41
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	42
«Сон ли его нарушу...»	43
«Летающий на полночь салима мольбам вопреки...»	44
«Отпустишь калитку, горний покинешь сад...»	45
1. «...Я сторожу.. Я отхожу ко сну...»	46
2. «Ни ходко — ни валко...»	46

«Вольнолюбивый, боли моей внемли...»	47
«Мерцает впереди багровый алый ад...»	48
«Воздух дрожащий, тени наискосок...»	49
«Стареть, и в зеркало смотреть...»	50
«Там, где сиротство ставит на всём кресты...»	51
«Паромов и мостов Харонов нрав...»	52
«...И всё неслоь и билось, как пурга...»	53
«Под окном — снежок...»	54
«...И было объятье девятого вала...»	55
«Угомонив горячное вчера...»	56
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ	57

Елена Лапшина
ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ
Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*
Главный редактор серии *Андрей Тавров*
Макет и верстка *Валерий Земских*

В оформлении использован рисунок Е. Лапшиной

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575 4103
Олег Асиновский

Подписано к печати 17.05.2010. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура LazurskiC.
Печать офсетная.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12